

Когда символ сильнее закона

Четыре акта превращения прошлого в настоящее. Почему коллективная память не сильно зависит от логики и фактов

Фотографии пропавших без вести людей во время испанской диктатуры Франсиско Франко. Фото: Zuma \ TASS

10:02, 8 мая 2026,

Алексей Семенов-Труайя

социолог

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

**Эта публикация продолжает цикл статей социолога
Алексея Семенова-Труайя о феномене коллективной
памяти**

24 октября 2019 года. Испания. Военный вертолет поднимается над мемориальным комплексом «Долина павших» с гробом диктатора Франко на борту. Внизу остаются десятки тысяч захороненных жертв гражданской войны. Через полчаса останки «каудильо» будут перезахоронены на обычном кладбище рядом с женой.

Тысячи журналистов транслируют происходящее в прямом эфире. Миллионы испанцев следят за событиями у экранов. Одни воспринимают происходящее как торжество исторической справедливости. Другие — как осквернение памяти. Но все понимают: они стали свидетелями исторического момента.

На первый взгляд — спонтанное политическое решение. Социалистическое правительство выполняет предвыборные обещания. Переносит останки диктатора, чтобы «Долина павших» стала мемориалом всем жертвам войны, а не местом поклонения франкизму.

Но если внимательно проследить логику событий, обнаружится удивительная вещь.

То, что происходило в Испании с 2007 по 2019 год, с поразительной точностью

воспроизводило классическую четырехактную драматургическую структуру. Как будто кто-то написал сценарий трансформации коллективной памяти, и испанское общество его разыгрывало.

Эта закономерность — не испанская особенность. Анализ процессов работы с травматическим прошлым в разных странах показывает: все они следуют одной и той же архитектуре. Четыре акта превращения одних представлений о прошлом в другие. Универсальная драматургическая машина перепрограммирования коллективной памяти.

Акт первый: Пролог безмолвия

Каждый сценарий политики памяти начинается с пролога — периода, когда травматическое прошлое существует, но не артикулируется публично. Общество знает о болезненных событиях, но предпочитает о них не говорить. Замалчивание может быть сознательным (как испанский «пакт забвения») или вынужденным (как советское табу на тему репрессий).

В Испании пролог длился с 1975 по 2000 год. Четверть века молчания о франкистских преступлениях.

Общество сделало сознательный выбор: ради мирного перехода к демократии нужно забыть о прошлом. Не судить палачей, не искать жертв, не выяснять правду о том, что происходило в годы диктатуры.

Предполагаемое место массовых захоронений — наследия фашистского прошлого Испании времен генерала Франко. Фото: AP / TASS

Этот период кажется статичным — ничего не происходит, история застыла. На самом деле в прологе накапливается энергия, которая в будущем будет питать процесс трансформации. Молчание не означает забвения. Семьи жертв хранят память о своих убитых. Дети и внуки растут с обрывками историй, недосказанностями, семейными тайнами.

Пролог создает то, что можно назвать мемориальным напряжением — разрыв между официальным забвением и частной памятью. Это напряжение накапливается до критической массы. И когда появляются подходящие условия, оно взрывается переходом к первому акту.

В Германии пролог был короче — с 1945 по 1960-е годы. Период «экономического чуда», когда страна была сосредоточена на восстановлении, а не на осмыслении нацистского прошлого. В СССР пролог по одним темам (ГУЛАГ) длился с 1930-х до 1980-х,

по другим (голодомор) продолжается до сих пор.

В России постсоветский период можно рассматривать как затянувшийся пролог к работе с советским наследием. Общество знает о репрессиях, коллективизации, других травматических событиях XX века, но не выработало консенсуса о том, как к ним относиться.

Интродукция: окно возможностей

Переход от пролога к первому акту происходит в момент появления «окна возможностей» — событий, которые делают возможным то, что раньше было невозможным.

В Испании таким событием стала смена поколений. К концу 1990-х выросло поколение, для которого гражданская война и франкизм — не живая память, а история. Внуки жертв репрессий не были связаны «пактом забвения», который заключили их деды. Они могли задавать вопросы, на которые старшие поколения предпочитали не отвечать.

В Германии окном возможностей стало поколение 1960-х — дети тех, кто пережил нацизм. Студенческие протесты 1968 года сопровождались вопросами: «Что делали наши родители во время войны?» Молодежь требовала честного разговора о прошлом.

В СССР окном стала перестройка — политическая либерализация, которая позволила говорить о том, о чем десятилетиями молчали.

Окно возможностей может открываться через внешние события (смена власти, международное давление, юбилейные даты), внутренние процессы (смена поколений, социальные движения) или случайные факторы (обнаружение массовых захоронений, публикация архивных документов).

Ключевая особенность:

окно открывается само, его нельзя создать искусственно. Но можно им воспользоваться — превратить возможность в действительность.

Акт первый: Нарушение молчания

Первый акт начинается с появления новых акторов, готовых нарушить консенсус молчания. Это могут быть потомки жертв, правозащитники, исследователи, художники, политики — любые группы, заинтересованные в пересмотре официальной версии прошлого.

В Испании инициаторами стали внуки жертв франкистских репрессий. В 2000 году группа энтузиастов создала «Ассоциацию по восстановлению исторической памяти» (ARMH). Начали искать массовые захоронения времен гражданской войны. Проводить эксгумации. Требовать от государства помощи в поиске и идентификации останков.

Поначалу их деятельность встречала равнодушие или даже враждебность. Консервативные политики обвиняли их в «ворошении прошлого». Церковь призывала к «христианскому прощению». Часть общества считала, что «не нужно открывать старые раны».

Но активисты продолжали работу. И постепенно их усилия стали давать результат. СМИ начали освещать тему. Появились документальные фильмы о поисках. Журналисты стали брать интервью у свидетелей событий. Тема выходила из маргинального статуса в mainstream.

Эксгумация и перезахоронение останков испанского диктатора Франсиско Франко в Мадриде. Фото: Zuma \ TASS

Ключевая особенность первого акта — борьба за легитимность новой повестки. Инициаторы должны доказать, что их требования обоснованы, актуальны, заслуживают общественного внимания. Им противостоят защитники *status quo*, которые апеллируют к стабильности, традициям, необходимости «не делить общество».

Первый акт может длиться от нескольких лет до десятилетий. Его успех зависит от способности инициаторов мобилизовать общественную поддержку и преодолеть сопротивление. Если это удастся, процесс переходит во второй акт. Если нет — возвращается к прологу.

Акт второй: Развитие действия

Второй акт — период борьбы между старыми и новыми нарративами. Альтернативная интерпретация прошлого

получила право на существование, но еще не стала доминирующей. Происходит то, что можно назвать «войной интерпретаций» — конкуренция различных версий истории за статус официальной.

В Испании этот период начался в 2004 году с прихода к власти социалистического правительства Сапатеро. Тема исторической памяти была включена в правительственную программу. Началось создание институциональной базы для работы с франкистским наследием.

В 2007 году парламент принял «Закон об исторической памяти». Государство впервые официально осуждает франкистские репрессии. Признает права жертв на компенсацию. Обязуется помогать в поиске и идентификации останков.

Но процесс идет медленно и противоречиво. Консерваторы сопротивляются «ревизии истории». Автономные регионы по-разному интерпретируют федеральные законы. Церковь настаивает на «сбалансированном» подходе к прошлому. Часть общества остается равнодушной к теме.

Второй акт характеризуется высокой социальной температурой — острыми дискуссиями о прошлом, поляризацией общественного мнения, конфликтами между различными группами памяти. Это период максимальной нестабильности в системе коллективной памяти.

В этот период особенно важна роль интеллектуалов — историков, писателей, кинематографистов, которые создают

новый язык для разговора о прошлом. Их задача — перевести политические требования в культурные смыслы, сделать новую версию истории не только правдивой, но и привлекательной.

Второй акт может закончиться тремя способами. Если новый нарратив побеждает — процесс переходит к кульминации. Если терпит поражение — возвращается к прологу. Если силы равны — возникает ситуация «противоречивых нарративов», когда в обществе параллельно существуют несовместимые версии истории.

Массовые захоронения времен генерала Франко. Фото: AP / TASS

Акт третий: Кульминация

Кульминация — момент необратимого перелома, когда новая интерпретация прошлого получает институциональное признание и становится официальной.

В Испании кульминацией стал период с 2018 по 2019 год. Возвращение социалистов к власти после правления консерваторов. Радикальное ускорение процесса работы с франкистским наследием. Решение о перезахоронении Франко как символический акт окончательного разрыва с диктаторским прошлым.

Кульминация всегда имеет символическое измерение — конкретное событие, которое фиксирует произошедшие изменения в коллективном сознании. Вынос останков Франко из мавзолея. Снос памятника Дзержинскому в Москве в августе 1991-го. Падение Берлинской стены. Открытие Музея Холокоста в Вашингтоне.

Но символический акт должен подкрепляться институциональными изменениями. Новые законы, образовательные программы, мемориальные практики. Цель — сделать новую интерпретацию прошлого не просто возможной, но естественной и неизбежной.

Кульминация часто сопровождается острыми конфликтами. Защитники старого нарратива предпринимают последние попытки сопротивления. Сторонники нового стремятся максимально использовать благоприятный момент.

В этот период важна роль лидеров — политических деятелей, способных придать процессу легитимность и направление. Их задача — представить изменения не как разрыв с национальной традицией, а как возвращение к подлинным ценностям, временно искаженным.

Акт четвертый: Эпилог

Четвертый акт — стабилизация новых представлений о прошлом. Альтернативная интерпретация истории становится мейнстримом. То, что еще недавно казалось радикальным пересмотром, превращается в общепринятую истину.

В Испании этот процесс только начинается. Перезахоронение Франко — не финал, а начало новой фазы. Нужно создать новую культуру памяти, в которой «Долина павших» будет восприниматься как место скорби по всем жертвам войны, а не как символ франкистской победы.

Эпилог характеризуется снижением социальной температуры. Острые дискуссии о прошлом затухают. Новая версия истории встраивается в школьные учебники, музейные экспозиции, массовую культуру. Поколения, выросшие с этой версией, воспринимают ее как естественную.

Но эпилог — не конец истории. Новый нарратив может стать прологом к следующему циклу трансформаций. История не останавливается, и каждое поколение имеет право на собственную интерпретацию прошлого.

Роли в спектакле памяти

В драме трансформации коллективной памяти участвуют различные акторы, каждый из которых играет свою роль.

- **Инициаторы** — те, кто запускает процесс пересмотра. Обычно

это группы, чьи интересы не представлены в официальном нарративе: потомки жертв, этнические меньшинства, диссиденты, интеллектуалы. Их задача — нарушить консенсус молчания, сделать болезненную тему публичной.

- **Медиаторы** — журналисты, писатели, кинематографисты, которые переводят специализированное знание в формы, доступные широкой публике. Создают эмоциональные мосты между экспертным знанием и массовым сознанием.
- **Легитимизаторы** — политики, чиновники, судьи, которые придают новому нарративу институциональный статус. Превращают общественное требование в государственную политику.
- **Операторы** — учителя, музейные работники, организаторы мемориальных мероприятий, которые воплощают новую версию истории в повседневных практиках.
- **Оппозиция** — защитники старого нарратива, которые сопротивляются изменениям. Их роль не менее важна, чем роль инициаторов: они заставляют сторонников перемен лучше аргументировать свою позицию, делают процесс более демократичным.
- **Публика** — широкие слои общества, которые в итоге принимают или отвергают предлагаемую версию. Их реакция определяет успех или неудачу всего процесса.

Каждая роль имеет свои правила, ограничения, возможности. Успех сценария зависит от того, насколько хорошо координируются действия различных акторов.

Эксгумация и перезахоронение останков Франко в Мадриде. Фото: AP Photo / Paul White / ТАСС

Температура памяти

Каждый акт по-разному влияет на термодинамические параметры системы коллективной памяти.

- **Пролог** характеризуется низкой температурой (мало дискуссий о болезненных темах), сжатым объемом (узкий спектр допустимых интерпретаций) и высоким латентным давлением (накопление нерешенных проблем).
- **Первый акт** повышает температуру (начинаются публичные дискуссии) и создает давление (конфликт между различными версиями истории). Объем пока остается сжатым — альтернативные интерпретации еще маргинальны.
- **Второй акт** — период максимальной температуры и давления. Острые конфликты между сторонниками различных версий. Объем начинает расширяться — появляется пространство для альтернативных интерпретаций.

- **Кульминация** — момент максимального давления, когда система коллективной памяти претерпевает фазовый переход. Старый нарратив разрушается, новый институционализируется.
- **Эпилог** — снижение температуры и давления, стабилизация объема на новом уровне. Система приходит в равновесие, но на качественно иной основе.

Понимание термодинамики позволяет не только анализировать происходящие процессы, но и управлять ими. Регулировать темп изменений, предупреждать взрывы, обеспечивать плавные переходы.

Сценарные ошибки

Анализ неудачных попыток трансформации коллективной памяти показывает типичные ошибки в сценарном планировании.

- **Форсирование темпов.** Попытки пропустить один из актов, перепрыгнуть от пролога сразу к кульминации. Общество не готово к резким изменениям, возникает сильное сопротивление.
- **Игнорирование оппозиции.** Стремление подавить альтернативные точки зрения вместо диалога с ними. Это создает подпольные нарративы, которые могут стать основой для контрреволюции.
- **Недооценка символического измерения.** Фокус на институциональных изменениях при пренебрежении символическими актами. Новые законы принимаются, но не меняют массового сознания.
- **Отсутствие эмоционального измерения.** Попытки изменить представления о прошлом чисто рациональными аргументами. Память имеет глубокие эмоциональные корни, которые нельзя изменить только логикой.
- **Элитарность процесса.** Сценарий разрабатывается и

реализуется узкой группой экспертов без участия широких слоев общества. Люди не чувствуют себя субъектами процесса, воспринимают изменения как навязанные сверху.

Адаптивность сценариев

Эффективные сценарии отличаются способностью адаптироваться к обратной связи от общества. Это живые, развивающиеся процессы, а не жесткие программы.

Если сопротивление оказывается сильнее ожидаемого, сценарий корректируется. Замедляется темп, изменяется риторика, вводятся дополнительные компромиссы. Если поддержка превышает прогнозы, процесс ускоряется.

Долина Павших. Фото: AP / TASS

Испанский сценарий несколько раз корректировался в зависимости от политической ситуации. В период правления

консерваторов (2011–2018) процесс замедлился, некоторые инициативы были свернуты. Возвращение социалистов ускорило его.

Эта гибкость — одно из главных преимуществ сценарного подхода перед жесткой пропагандой. Сценарий учитывает сложность и противоречивость общественных процессов, адаптируется к ним, а не ломает их.

Международное измерение

Современные сценарии политики памяти все чаще имеют международное измерение. Национальные процессы работы с прошлым происходят под влиянием внешних факторов: международного права, дипломатического давления, культурного обмена.

Испанский переход к политике покаяния происходил в контексте европейской интеграции. Требования честного разбирательства с диктаторским прошлым рассматривались как условие полноценного членства в «клубе европейских демократий».

Это создает новые возможности и новые риски. С одной стороны, международная поддержка может помочь местным группам памяти преодолеть внутреннее сопротивление. С другой стороны, внешнее давление может восприниматься как посягательство на национальный суверенитет.

Эффективные сценарии учитывают международный контекст, но не сводятся к механическому копированию чужого опыта. Они адаптируют универсальные принципы к местным

условиям.

Будущее драматургии

Понимание драматургических законов превратило политику памяти из хаотичного процесса в управляемый. Но это знание доступно не только тем, кто хочет изменить коллективную память. Им могут воспользоваться и те, кто хочет ее защитить от изменений.

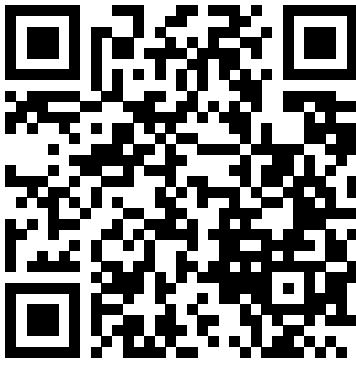
Возникает конкуренция сценариев — борьба различных проектов будущего за право определять интерпретацию прошлого. В этой борьбе побеждает не тот, кто лучше знает факты, а тот, кто лучше понимает законы драматургии.

Демократизация знания о сценарном планировании может стать защитой от манипуляций.

Если граждане понимают, как работают технологии управления памятью, они могут им сознательно противостоять или использовать для защиты собственных нарративов.

В следующей части нашего исследования мы изучим инструменты познания, которые позволяют создавать эффективные сценарии. Поймем, как различные методологические подходы — от феноменологии до конструктивизма — интегрируются в единый аналитический комплекс для понимания и управления коллективной памятью.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Театр памяти](#)

Как драматургия стала политической технологией
и теперь управляет национальным
самосознанием

19:12, 21 апреля 2026, Алексей Семенов-Труайя